

П. А. Кочаров

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

И.-Е.**KIEU-E/O*- ‘ДВИГАТЬСЯ’ КАК ЛЕКСИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ИЗОГЛОССА

В статье рассматриваются некоторые особенности морфологического оформления корня **kieu-* ‘двигаться, приходиться в движение’ в свете гипотез, сближающих греческую, армянскую и индоиранскую ветви индоевропейской языковой семьи. Для данного корня принято восстанавливать две имперфективных основы, **kiēu/kieu-* и **kieu-e/o-*. Если рассматривать корень **kieu-* как греко-армяно-индоиранскую лексическую инновацию, реконструкция двух основ вызывает вопрос о продуктивности соответствующих морфологических типов в позднеиндоевропейском. В статье показано, что основания для реконструкции атематической основы являются ненадежными. В частности, др.-арм. аор. *č’og-* проще объясняется исходя из тематической основы. Обобщение имперфективной основы, к которой восходит *č’og-*, могло быть связано с использованием имперфекта во множественном числе этого глагола в дистрибутивном значении при описании точечных событий в прошлом — явлением, наблюдаемом в употреблении др.-греч. *σεβομαι* у Гомера¹.

Ключевые слова: внутрипарадигматическая аналогия, индоевропейская диалектология, имперфективные основы

P. A. Kocharov

(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

PIE **kieu-e/o-* ‘move’ as a lexico-morphological isogloss

The paper is dedicated to some morphological features of PIE **kieu-* ‘to move’ with respect to hypotheses that consider Greek, Armenian, and Indo-Iranian as closely related branches of Indo-European languages. The verb in question is commonly reconstructed with two imperfective stems, **kiēu/kieu-* and **kieu-e/o-*. Considering **kieu-* as a lexical innovation shared by Greek, Armenian, and Indo-Iranian, entails the assumption that the athematic stem remained productive in the late Proto-Indo-European. However, the paper argues that the comparative evidence for the reconstruction of the athematic stem is very shaky. In particular, Arm. *č’og-* is better explained starting from the thematic stem. Generalization of the imperfective stem, from which *č’og-* was derived, could have been facilitated by the use of the mperfect tense with distributive meaning in plural forms of this verb to describe momentary past events, a phenomenon otherwise observed in the use of *σεβομαι* in Homer.

¹ Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ № 20-012-00367 «Индоевропейские морфологические изоглоссы» (рук. Н. Н. Казанский).

Key words: interparadigmatic analogy, Indo-European dialectology, imperfective stems

1. Введение

Корень **kieu-* ‘двигаться’ надежно восстанавливается для общего предка индоиранской, греческой и армянской ветвей, ср. др.-греч. $\sigma\epsilon\upsilon/\sigma\upsilon-$, вед. *суав/суи-*, авест. $\acute{s}(ii)aiui/\acute{s}(ii)u-$, др.-перс. *šiyav-*, др.-арм. *č'og-*. В рамках гипотезы об относительной близости трех перечисленных ветвей, демонстрирующих наряду с фригийским аугмент в системе претерита (см. Martirosyan 2013), можно признать **kieu-* позднеиндоевропейской лексической инновацией.

Восстанавливаемый в *LIV*² вариант **k^vieu-* (ср. также Kümmel 1998: 159), основан на гипотетическом контрасте результатов палатализации и.-е. **k^vi̇* > др.-арм. *č'* vs. и.-е. **k_i* > др.-арм. *с'*, что однако не находит достаточного подтверждения; все имеющиеся примеры — неоднозначны, ср. *loyc'* – ‘зажигать’ от през. **leuk-iel/o-* или, что более вероятно, от аор. **leuk-s-*. С другой стороны, формальная и семантическая близость с и.-е. **kei(h₂)-* либо **kei(h₂)-* ‘двигаться’ (ср. лат. *cieō*, др.-греч. аор. $\kappa\acute{\iota}\epsilon$, през. $\kappa\acute{\iota}\nu\upsilon\mu\alpha\iota$; cf. *LIV*₂: 346; Beekes 2010: 700, 707; Martirosyan 2010: 548) кажется не случайной, что поддерживает реконструкцию начального простого велярного в **kieu-*, с одной стороны, и **kei(H)-*, с другой (ср. Ernout, Meillet 2001: 120; Mayrhofer 1986–2001, I: 553). Расширитель **-eu/u-* можно постулировать и для других глаголов движения, восстанавливаемых на основании данных только греческой, армянской и индоиранской ветвей, ср. и.-е. **dr-eu-* (др.-инд. *drāvati* ‘бежать’) наряду с и.-е. **dr-eh₂-* (др.-греч. $\acute{\epsilon}\delta\rho\alpha\mu\upsilon\nu$, супплетивный аорист $\tau\rho\acute{\epsilon}\chi\omega$ ‘бежать’, вед. императив *drātu*), и.-е. **sr-eu-* (др.-инд. *srāvati*, др.-арм. *ořoganem*, др.-греч. $\rho\acute{\epsilon}\omega$ ‘течь’) наряду с и.-е. **ser-* (др.-инд. аор. *ásarat* ‘течь’); см. Kocharov, Shatskov frthc.

Согласно распространенной точке зрения, глагол имел атематическую основу презенса **kiēu/kieu-* (вед. прич. *суāvāna-*, авест. $\acute{s}aiuaitē$, др.-арм. *č'ogay*), атематическую основу аориста **kieu/kiu-* (др.-греч. аор. $\acute{\epsilon}\sigma\upsilon\tau\omicron$) и основу каузатива **kiou-eie/o-* (вед. *суāváya-*, авест. $\acute{s}āiuaiia-$, др.-греч. $\sigma\omicron\acute{\epsilon}\omega$); см. García Ramón 1994; *LIV*²: 394f.² В рамках такой реконструкции тема-

² Реконструкция залога для данного глагола затруднительна. Вариативность залоговых показателей при агентивных непереходных глаголах разных лексических групп, включая глаголы движения, является тривиальной для сопоставляемых языков, что не позволяет прийти к

тическая основа презенса **kieu-e/o-*, надежно засвидетельствованная для индоиранских языков (вед. *cyava-*, авест. *š(ii)aiia-*, др.-перс. *šiyava-*) и греческого (*σέυο/ε-*), рассматривается как инновация — обновление атематического презенса на базе медиопассивных форм с полной ступенью корня основы **kiēu/kieu-*.

В рамках такой реконструкции возникает вопрос, согласуется ли атематическая основа с гипотезой о том, что **kieu-* является позднеиндоевропейской лексической инновацией и, если так, для каких из перечисленных ветвей следует постулировать переход от атематической к тематической основе — потенциальную морфологическую инновацию. Ответ на эти вопросы требует в первую очередь оценки надежности реконструкции атематической основы.

2. Реконструкция основы **kiēu/kieu-*

Ниже рассмотрены формы, привлекавшие к реконструкции атематической презентной основы **kiēu/kieu-* в ведийском, авестийском, древнегреческом и древнеармянском.

2. 1. Ведийский

2.1.1. Форма *cyávam* ‘предпринимаю что-л. (< *привожу что-л. в движение)’, засвидетельствованная в *RV* 1.165.10 (ср. пример (1)), представляет собой регулярную форму тематического презенса 1 л. ед. ч. инъюнктива актива. Однако некоторые исследователи (ср. Hoffmann 1967: 247; Gotō 1987: 144; García Ramón 1994: 59; Lubotsky 1997, I: 543) интерпретируют *cyávam* как форму конъюнктива от атематической основы (с заменой

надежным диахроническим выводам (см., например, Allan 2003: 181–184 о древнегреческом; Kocharov 2019 о древнеармянском; примечательно также, что др.-перс. *šiyav-a-* в непереходном значении ‘идти (куда-либо)’ встречается только в формах актива, см. Schmitt 2014: 82, 248f.). Учитывая, что для данного глагола хорошо восстанавливается производный каузатив с переходным значением ‘приводить в движение’, сам глагол, вероятно, выражал в первую очередь непереходное значение. Употребление базового глагола в переходной конструкции, по-видимому, следует считать независимой инновацией отдельных языков. Такое вторичное развитие можно, например, предположить для авест. акт. *(^o)šaiia-^{ti}*, употребляющемся как в непереходном значении (V. 2, 10.18), так и в переходном значении, характерном для каузатива *šaiiaiiia-* (в том же фрагменте — V. 2, 10.18); ср. также Willi 2018: 261, 320f. о развитии переходного значения др.-греч. *σέυο* ‘гнать, преследовать’.

регулярного окончания конъюнктива окончанием *-am* индикатива/инъюнктива) на том основании, что в строфе (b) глагол *kr̥-* употреблен в конъюнктиве. При этом предлагалось интерпретировать атематическую основу либо как презентную, либо как аористную (Kümmel 1998: 195). Однако в отличие от (b), в строфе (d) инъюнктив описывает вневременную ситуацию, с которой также соотносится индикативная форма перфекта *īše* с хабитуальным значением.

(1) *RV* 1.165.10 (<https://vedaweb.uni-koeln.de/rigveda/view/id/1.165.10>):

- a) *ékasya* *cit* *me* *vibhú*
 один.GEN.SG.M даже я.DAT/GEN.SG выдающийся.NOM.SG.N
astu *ójaḥ*
 быть.3SG.PRS.IMP.ACT сила.NOM.SG.N
- b) *yā́* *nú* *dadhr̥svā́n*
 который.ACC.PL.N ptcl дерзать.NOM.SG.M.PRF.ACT
kr̥ṇávai *manīṣā́*
 делать.1SG.PRS.SBJV.MED мудрость.INS.SG.F
- c) *ahám* *hí* *ūgráḥ* *marutaḥ*
 я.NOM.SG.M/F PTCL грозный.NOM.SG.M марут.VOC.PL.M
vidānaḥ
 знать.NOM.SG.M.PRF.MED
- d) *yā́ni* *cyávam* *índraḥ*
 тот.NOM/ACC.PL.N двигаться.1SG.PRS.INJ.ACT индра.NOM.SG.M
ít *īše* *eṣām*
 PTCL править.3SG.PRF.IND.MED этот.GEN.PL.M/N

‘Даже когда я один, да будет моя сила огромна! На что дерзаю, я совершу обдуманно! Ведь я, о Маруты, известен как грозный. Те (дела,) что я **привожу в движение**, — только Индра **властен** над ними!’ (пер. Т. Я. Елизаренковой).

Таким образом, более экономное с точки зрения морфологии определение *cyávam* как формы инъюнктива представляется вполне оправданным и с точки зрения фразового контекста. Кроме того, даже если допустить интерпретацию *cyávam* как формы конъюнктива, заместившей акт. **cyávā(ni)* или м.-п. **cyávai* (показательно, такая замена не произошла в *kr̥ṇávai* в строфе b), нет оснований считать, что исходная форма конъюнктива была образована от гипотетической атематической основы, а не от хорошо засвидетельствованной тематической.

2.1.2. Вед. *cyávante* засвидетельствовано в Ригведе два раза: *RV* 1.167.8; *RV* 10.124.4. Гарсиа Рамон интерпретирует эту

форму в *RV* 1.167.8с (ср. пример (2)) как конъюнктив от атематического презенса, а в *RV* 10.124.4 видит либо конъюнктив от атематической, либо индикатив от тематической основы (García Ramón 1994: 58; ср. также Kümmel 1998: 195f.). Однако формы презенса индикатива *pānti* и *cáyate* в *RV* 1.167.8a–b делают интерпретацию *cyávante* как формы презенса индикатива более вероятной.

(2) *RV* 1.167.8 (cf. <https://vedaweb.uni-koeln.de/rigveda/view/id/1.167.8>):

- a) *pānti* *mitrāvāruṇau*
защищать.3PL.PRS.IND.ACT митра_варуна.NOM.DU.M
avadyāt
 порицание.ABL.SG.N
- b) *cáyate* *īm aryamā u*
собирать.3SG.PRS.IND.MED PTCL арьяман.NOM.SG.M PTCL
āpraśastān
 недостойный.ACC.PL.M
- c) *utá cyavante* *ácyutā*
 и **двигаться.3PL.PRS.IND.MED** неподвижный.NOM.PL.N
dhruvāṇi
 твердыня.NOM.PL.N
- d) *vāvr̥dhé* *īm marutaḥ*
крепнуть.3SG.PRF.IND.MED PTCL марут.VOC.PL.M
dātivāraḥ
 дающий_желаемое.NOM.SG.M

‘Митра, Варуна (и Арьяман) защищают (добродетельных) от порицания, Арьяман же наказует недостойных. И несотрясаемые твердыни сотрясаются (из-за Марутов). Тот, кто дает лучший дар, только крепнет.’ (пер. Т.Я. Елизаренковой).

Аналогичная ситуация обнаруживается в *RV* 10.124.4, где *cyávante* описывает событие (движение богов) в одном ряду с другими событиями, выраженными формами презенса индикатива (*jahāmi* ‘я покидаю’ и *avāmi* ‘я поддерживаю’).

Еще менее убедительной кажется предлагавшаяся (ср. Kümmel 1998: 196) интерпретация *cyávanta* как формы конъюнктива в *RV* 1.48.2ab, где глагол описывает постоянное качество божества (*aśvāvātīr gomātīr viśvasuvido bhūri cyavanta vastave* ‘богатые конями, богатые коровами, легко все находящие (зори) стремятся сильно сиять’, перев. Т.Я. Елизаренковой).

2.1.3. Вед. *су́áv-āna-* ‘движущийся’ (о ветре *RV* 10.115.6; о божестве *RV* 6.62.7) — медиальное причастие атематического спряжения. Начиная с публикации Дж. Нартен (Narten 1968), это причастие считается одним из наиболее весомых оснований для реконструкции основы **kiēu/kieu-* (ср. Kümmel 1998: 195). Однако следует иметь в виду, что атематические медиальные причастия в ведийском очень неоднородны с точки зрения производящей основы.

Как отмечает Дж. Лове (Lowe 2015: 240), многие формы на *-āna-* не соотносятся с определенной глагольной основой, демонстрируя отличия в неличных формах глагола под влиянием именной морфологии. Признаками такого изменения признается выравнивание ударения на корне (ср. *vid-āna-* ‘знающий’ от $\sqrt{vid-}$ ‘знать’) и выравнивание полной ступени корня (ср. *yodh-āná-* ‘сражающийся’ от $\sqrt{yudh-}$ ‘сражаться’). Особенно показательным для сравнения с *су́áv-āna-* (през. *су́ávate*) является причастие *sac-āná-* ‘следующий’ (*RV* 6. 20. 2d) от глагола движения $\sqrt{sac-}$ ‘следовать’, учитывая, что тематический презент *sácate* для этого глагола является не только основным в синхронии ведийского но и унаследованным от праиндоевропейского состояния (ср. др.-греч. ἕπομαι, лат. *sequor* ‘следовать’, etc.; см. *LIV*²: 525, где *sac-āná-* возводится к атематическому аориста, а не презенту). Как и в случае с *sac-āná-*, атематическая основа *су́áv-* не засвидетельствована формами презентса или аориста индикатива, и вокализм корня *су́áv-āna-* в Ригведе соотносится в первую очередь с вокализмом тематической основы *су́áv-a-*. В этой связи появляется возможность рассмотреть *су́áv-āna-* ‘движущийся; находящийся в движении’ как субстантивированное причастие, с аналогической полной ступенью корня. С диахронической точки зрения атематическое причастие могло быть образовано от корневого аориста (ср. др.-греч. ἔσσυτο) до того, как он был полностью вытеснен сигматическим аористом (вед. *acyoṣṭa*).

2. 2. Авестийский

2.2.1. Ст.-ав. *šiiāuiāi* (Y. 33, 8; см. пример (3)) предлагалось интерпретировать как форму 1 л. ед.ч. мед.-пасс. конъюнктива, образованную от атематической презентной основы (Narten 1968: 16; Kellens, Pirart 1990: 324; García Ramón 1994: 61; Hoffman & Forssman 2004: 204) или от аористной основы (ср. 3

неоднозначности *ś(ii)auuaitē* и *yā* (ном.-акк. мн.ч. либо инструм. ед.ч.), а также лексической многозначности авест. *ś(ii)auu-* ‘направляться к чему-л.; предпринимать что-л.; выступить против кого-л.’ предлагались различные интерпретации интересующего нас контекста Y. 29, 3, ср. (4)–(7).

(4) <i>auuaēšqm</i>	<i>nōiṭ</i>	<i>vīdūiīē</i>	<i>yā</i>
ЭТОТ.GEN.PL	NEG	ЗНАТЬ.INF.DAT.SG	КОТОРЫЙ.NOM.PL
<i>śauuaitē</i>		<i>ādrəṅg</i>	<i>ərəšuuāṅhō</i>
ДВИГАТЬ.PRS.IND.3SG		СЛАБЫЙ.ACC.PL	ВЫСОКИЙ.NOM.PL

‘Из этого не[возможно] узнать, что приводит в движение слабых, о высшие!’ (Ср. Humbach 1991: 34; Strunk 1967: 91)

(5) <i>auuaēšqm</i>	<i>nōiṭ</i>	<i>vīdūiīē</i>	<i>yā</i>
ЭТОТ.GEN.PL	NEG	ЗНАТЬ.INF.DAT.SG	КОТОРЫЙ.ACC.PL
<i>śauuaitē</i>		<i>ādrəṅg</i>	<i>ərəšuuāṅhō</i>
ДВИГАТЬ.PRS.IND.3PL		СЛАБЫЙ.ACC.PL	ВЫСОКИЙ.NOM.PL

‘Из этого не[возможно] узнать, что высшие предпринимают против слабых.’ (Ср. Narten 1968: 16; García Ramón 1994: 61).

(6) <i>auuaēšqm</i>	<i>nōiṭ</i>	<i>vīdūiīē</i>	<i>yā</i>
ЭТОТ.GEN.PL	NEG	ЗНАТЬ.INF.DAT.SG	КОТОРЫЙ.INSTR.SG
<i>śauuaitē</i>		<i>ādrəṅg</i>	<i>ərəšuuāṅhō</i>
ДВИГАТЬ.PRS.IND.3SG		СЛАБЫЙ.ACC.PL	ВЫСОКИЙ.NOM.PL

‘Из этого не[возможно] узнать, чем Он [Ахура Mazda] гонит слабых, о высшие!’ (Ср. Dumézil 1986: 95).

(7) <i>auuaēšqm</i>	<i>nōiṭ</i>	<i>vīdūiīē</i>	<i>yā</i>
ЭТОТ.GEN.PL	NEG	ЗНАТЬ.INF.DAT.SG	КОТОРЫЙ.INSTR.SG
<i>śauuaitē</i>		<i>ādrəṅg</i>	<i>ərəšuuāṅhō</i>
ДВИГАТЬ.PRS.IND.3SG		СЛАБЫЙ.ACC.PL	ВЫСОКИЙ.NOM.PL

(а) ‘Из этого не[возможно] узнать, в силу чего высшие выступают против слабых.’ (Ср. García Ramón 1994: 61)

(б) ‘Из этого не[возможно] узнать, чем высшие направляют слабых.’ (Ср. Kellens, Pirart 1988: 108; Skjærvø 2006: 31)

Употребление медиопассивного залога в переходной конструкции при интерпретациях (4), (5), (6) и (7) в значении (б) находит параллель в использовании медиопассивных форм тематического имперфекта родственного глагола у Гомера, ср. *Ил.* 11, 549 (8):

(8)	ὥς δ' αἴθωνα λέοντα βοῶν ἀπὸ μεσσαύλοιο
	ἔσσεύαντο κύνες τε καὶ ἀνέρες ἀγροῖῶται...

‘Словно как гордого льва от загона волон тяжконогих
Гонят сердитые псы и отважные мужи селяне...’ (пер. Н. Гнедича)

Согласно Г. Гумбаху (Humbach 1991: 34), в гатах за указательным местоимением *auiša-*, как правило, следует относительное местоимение *ya-* (ср. Kellens, Pirart 1990: 53) или относительное наречие *yaṣā*, и *yā* — форма ном.-акк. мн.ч. ср. р. Также Гумбах отмечает, что согласование субъекта среднего рода множественного числа с глаголом в единственном числе является регулярным в староавестийском (ср. также Martínez, de Vaan 2014: 99). Эти соображения добавляют убедительности его интерпретации примера (4) в ущерб реконструкции индоевропейского атематического презенса **kiēu/kiēu-*.

2. 3. Древнегреческий

Как отмечал Р. Беекес (Beekes 2010: 1322), *-v-* в *σεῦομαι* необходимо объяснять аналогическим восстановлением. По его мнению, объяснение с помощью аналогии под влиянием сигматического аориста **kieu-s-* неубедительно, поскольку **kieu-s-m* дало бы **σῆα*. На этом основании Беекес постулирует медиальный атематический презенс **kieu-to(i)*, свидетельством которого, по его мнению, может быть редкая форма *σεῦται*, засвидетельствованная в *Soph. Trach.* 645 (ср. Schwyzer 1977: 679; Narten 1968: 17). Указанный контекст однако допускает альтернативное чтение глагола как *σοῦται* и не принимается в расчет в (García Ramón 1994: 56). Вопреки Беекесу А. Вилли исходит из восстановления *-v-* по аналогии с сигматическим аористом *ἔσβευε/σεῦε* из **(h₁e-)k^(u)ie-u-s-e* (Willi 2018: 320).

2. 4. Древнеармянский

Др.-арм. *č'ogay* — супплетивный аорист глагола *ert'am* 'идти, отправляться' (см. анализ употреблений данного глагола в Kölligan 2010). Ограниченность употребления основы *č'og-* системой аориста позволяет искать ее происхождение в индоевропейских формах как аориста, так и имперфекта, ср. и.-е. имперф. **h₁e-pr(k)-sk-e-t* > др.-арм. аор. *eharc'* 'он спросил' наряду с и.-е. аор. **h₁e-uid-e-t* > др.-арм. аор. *egit* 'он нашел' (см. новейший обзор вопроса в Kim frthc. с литературой).

С формальной точки зрения основу аориста *č'og-* не удастся объяснить, исходя из регулярных форм праиндоевропейского корневого аориста. При этом она может восходить к индоевропейской атематической основе с полной ступенью корня **kieu-* в случае, если за корнем следовал слоговой сонант. Такое условие соблюдается в медиопассивной форме имперфекта 3 л.

мн.ч. — и.-е. **(h₁e-)kieu-nto* > др.-арм. *č'ogan* (см. Klingenschmitt 1982: 277; García Ramón 1994: 72; LIV²: 394f.; Olsen 1999: 788). При этом необходимо принять следующую хронологию протоармянских звуковых переходов: 1) **CnC* > **CanC*; 2) **eu* > **ou*, в частности, перед **a*; 3) **VuV* > **VgV*.

Второй переход (**eua* > **oua*) является проблематичным. Так, например, Б. Ольсен (Olsen 1999: 32) выдвинула предположение, что дифтонг **eu* переходил в **ou* только перед слогом с огубленным гласным, что не соблюдается в протоармянском рефлексе и.-е. **kieu-nto* (при этом Ольсен признает возведение *č'ogay* к **kieu-nto*; там же, с. 788). Альтернативное решение предложил Г. Клингеншмитт (1982: 277), который считает переход **eu* > **ou* регулярным только в предударной позиции. В случае с *č'ogay* < **kieu-nto* это приводит к необходимости постулировать протоармянское смещение ударения на предпоследний слог для периода, предшествующего изменениям **eu* > **ou* и **VuV* > **VgV*: **kiéu-nto* > **kiouánto* > *čogan*.

Возведение *č'ogay* к тематической основе **kieu-elo-* предполагает последовательность переходов: 1) **eu* > **ou*, в частности, перед гласными **e* и **o*; 2) **VuV* > **VgV*. В тематической парадигме необходимые условия соблюдаются во всех формах обоих залогов. При этом тематический гласный **o* в формах 1 л. ед.ч. и 1 л., 3 л. мн.ч. позволяет ограничить переход **eu* > **ou* позицией перед огубленным гласным, в соответствии с упомянутым выше правилом Ольсен³. Таким образом, тематическая основа **kieu-elo-* позволяет лучше объяснить и корневой вокализм, и появление велярного в исходе корня. Гласный *-a-* в личных формах аориста индикатива (*č'ogaw*, *č'ogan* etc.) при этом объясняются как часть продуктивных медиопассивных окончаний⁴.

³ Если такое ограничение действительно имело место, следует признать, что вариант корня обобщился не по форме 3 ед.ч. аориста, которая часто рассматривается в качестве опорной формы парадигмы и наиболее распространенного источника парадигматической аналогии (т. н. «Закон Уоткинза»; см. Watkins 1962). В подпарадигме единственного числа ведущей оказывается форма 1 лица, а в подпарадигме множественного числа — формы 1 и 3 лица (ср. примеры аналогического выравнивания личных форм не на основе 3 л. в языках мира в Baerman et al. 2005: 63–75).

⁴ Поскольку происхождение *-a-* в медиопассивных окончаниях аориста, по-видимому, продолжает интранзитивирующий суффикс **-ā-* (< **-eh₂-*, ср. Kocharov 2018), появляется возможность рассмотреть *č'og-a-* как один из источников реинтерпретации *-a-* как части

Реконструкция **kiou-* для протоармянской аористой основы (см. ссылки в Martirosyan 2010: 547) не имеет хороших морфологических параллелей и должна быть отклонена в пользу более экономного решения.

Вопрос о том, почему именно основа имперфекта послужила в протоармянском источнике формы корня данного глагола, заслуживает особого внимания. Нейтрализация аспектуальной оппозиции между формами аориста и имперфекта в протоармянский период подтверждается неоспоримыми следами презентных основ в системе древнеармянского аориста (см. выше). Учитывая тот факт, что морфологический контраст между имперфектом и аористом реконструируется для праиндоевропейского и присутствует в синхронии древнеармянского, кажется более оправданным сценарий, при котором этот контраст сохранялся и в протоармянский период при обновлении формальных показателей, выражающих соответствующие видо-временные значения⁵. Смещение унаследованных форм аориста и имперфекта могло зависеть от лексической семантики глагола и захватывать лишь часть употреблений.

Едва ли можно надеяться восстановить детальную картину попадания презентных основ в протоармянский аорист, и мы ограничимся здесь указанием на лишь один из возможных

флексии. В таком случае *č'og-a-* может продолжать протоармянскую основу **Seu-ā-* (либо **Cou-ā-* или **Cog-ā-*), заместившую тематическую основу **kieu-e/o-* (либо **kiou-e/o-*).

⁵ В этом проявляется отличие развития имперфекта и аориста в древнеармянском и, например, в древнеперсидском, где нейтрализация привела к полному устранению контраста между прошедшими временами. Хотя унаследованные презентные основы доминируют в формах прошедшего времени, они никак не маркированы в отношении аспекта. Каким бы ни было противопоставление форм аориста и имперфекта на общеиранском и индоиранском уровнях, для древнеперсидского различие в употреблении имперфекта и редких форм аориста установить не удастся, ср. идентичные употребления аор. *adā* (9) и имперф. *adadā* (10); фактически можно рассматривать имперфект и аорист как конкурирующие способы выражения аспектуально нейтральной граммы претерита (см. Kent 1953: 90 и сл.; Sokolov 1979: 259; Skjærvø 2016: 80).

(9) DNa, § 1, A–B: *baga vazrka A. uramazdā, haya imām būmīm adā* (Schmitt 2009: 100). ‘A great god is Ahuramazda, who **created** this earth’ (Kent 1953: 138).

(10) DNb, § 1, A–B: *baga vazrka A. uramazdā, haya adadā ima frašam* (Schmitt 2009: 105). ‘A great god is Ahuramazda, who **created** this excellent work’ (Kent 1953: 140).

факторов, который мог повлиять на смешение основ аориста и имперфекта у глаголов, выражающих точечное действие, связанное с дистрибутивной семантикой при субъекте во множественном числе. Это явление можно продемонстрировать на примере особенностей употребления точно соответствующего др.-арм. *č'ogay* др.-греч. *σεύομαι*. Отмечалось (Slavyatinskaya 1977; García Ramón 1994: 66), что все десять употреблений *σεύομαι* в имперфекте у Гомера являются формами множественного числа, а все девять корневых аористов данного глагола являются формами единственного числа (см. *Thesaurus Linguae Graecae*: <http://stephanus.tlg.uci.edu>). Как отметила М. Н. Славянская, в качестве субъекта при формах имперфекта этого глагола выступают люди, а при формах аориста также и абстрактные понятия, что подчеркивает связь имперфекта с дистрибутивной семантикой субъекта, ср. (13):

- (11) αἶψα δ' ἔλυσ' ἀγορήν· ἐπὶ τεύχεα δ' ἔσσεύοντο.
 πᾶσαι δ' ὤείγοντο πύλαι, ἐκ δ' ἔσσυτο λαός... (Ил. II, 808–809)

‘Сонм распустил, и к оружию бросились граждане Трои.
 Все растворились ворота; из оных зареяли рати...’

(пер. Н. И. Гнедича)

Поскольку есть все основания восстанавливать тематическую основу, участвующую в образовании имперфекта, для общего предка греческой, армянской и индоиранской ветвей, можно рассмотреть гипотезу о том, что указанное распределение форм аориста и имперфекта унаследовано в греческом от этого общего языкового состояния (см. Таблицу 1). Обобщение основы имперфекта в протоармянском может служить косвенным аргументом в пользу того, что указанное распределение могло действовать на этапе общего предка греческой и армянской ветвей.

Таблица 1. Распределение форм аориста и имперфекта медиопассивного залога и.-е. **kieu-*

	Аорист	Имперфект
1 л. ед.ч.	* <i>kii-</i>	* <i>kieu-o-</i>
2 л. ед.ч.	* <i>kii-</i>	* <i>kieu-e-</i>
3 л. ед.ч.	* <i>kii-</i>	* <i>kieu-e-</i>
1 л. мн.ч.		* <i>kieu-o-</i>
2 л. мн.ч.		* <i>kieu-e-</i>
3 л. мн.ч.		* <i>kieu-o-</i>

При этом отсутствие форм множественного числа аориста и имперфекта данного глагола, выражающих локализованное во времени событие в прошлом, в ведийском и авестийском не позволяет с уверенностью говорить о наличии или отсутствии подобной особенности спряжения в этих языках, что в свою очередь не позволяет оценить значение греко-армянского схождения в более широкой сопоставительной перспективе.

3. Выводы

Подводя итог, приходится констатировать, что свидетельства ведийского, авестийского и древнеармянского языков в пользу реконструкции атематической основы **kiēu/kieu-* приходится признать ненадежными. В первую очередь это касается древнеармянского аориста *č'ogay*, который, вопреки распространенному мнению, следует считать продолжением тематической презентной основы с полной степенью корня **kieu-e/o-*. Выдвинутое еще М. Майрхофером предположение о том, что тематическая основа является общей инновацией греческой и индоиранской ветвей (Mayrhofer 1986–2001, I: 553), следует, по видимому, распространить и на армянскую ветвь. Поскольку нет достаточных оснований для реконструкции атематической основы презенса как таковой, не приходится постулировать и развития от атематической к тематической основе в какой-либо из трех ветвей (или подгруппы ветвей), в которых засвидетельствован данный корень. При этом появляется возможность рассмотреть корень **kieu-* вместе с морфологическими особенностями образованного от него глагола движения (в частности, презентную основу **kieu-e/o-*), как позднеиндоевропейскую лексико-морфологическую изоглоссу.

Дополнительное распределение форм аориста и имперфекта *σέβομαι* у Гомера, связанное с распределенностью субъекта при представлении действия как завершенного в прошлом, может быть рассмотрено как архаизм. Такое распределение позволяет также объяснить, почему в протоармянских формах прошедшего времени (откуда аорист *č'ogay*) была обобщена именно имперфективная основа. Реконструкция данной особенности для общего греко-армяно-индоиранского состояния затруднительна ввиду отсутствия показательных употреблений в ведийских и авестийских текстах.

Библиография

- Allan, R. J. 2003: *The Middle Voice in Ancient Greek. A Study in Polysemy*. PhD Thesis, University of Amsterdam.
- Baerman, M., Brown, D., Corbett, G. 2005: *The Syntax-Morphology Interface: A Study of Syncretism*. Cambridge University Press.
- Beekes, R. S. P. 1988: *A Grammar of Gatha-Avestan*. Leiden, New York: Brill.
- Beekes, R. S. P. 2010: R. S. P. Beekes, with the assistance of L. van Beek. *Etymological dictionary of Greek*. Leiden, Boston: Brill.
- Cheung, J. 2007: *Etymological dictionary of the Iranian verb*. Leiden, Boston: Brill.
- Dumézil, G. 1986: Verhovnye bogi indoevropейcev. [Les dieux souverains des indo-européens]. Per. T. Civyаn. M.: Glavnaya redakciya vostochnoy literatury.
- Дюмезиль, Ж. 1986: *Верховные боги индоевропейцев*. Пер. Т. Цивьян. М.: Главная редакция восточной литературы.
- Ernout, A., Meillet, A. 2001: *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots*. Retirage de la 4e éd. Paris: Klincksieck.
- García Ramón, J. L. 1994: Indogermanische Wurzelpräsentia und innere Rekonstruktion. In: G. E. Dunkel et al. (eds.). *Früh-, Mittel-, Spätindogermanisch: Akten Der IX. Fachtagung Der Indogermanischen Gesellschaft Vom 5. Bis 9. Oktober 1992 in Zurich*, 53–75.
- Gotō, T. 1987. *Die “I. Präsensklasse” im Vedischen: Untersuchung der vollstufigen thematischen Wurzelpräsentia*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Hoffmann & Forssman 2004 — K. Hoffmann, B. Forssman. *Avestische Laut- und Flexionslehre*. 2 Aufl. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 2004.
- Hoffmann, K. 1967: Der Injunktiv im Veda. Eine synchronische Funktionsanalyse. Heidelberg: Winter.
- Humbach H., in collaboration with J. Elfenbein and P. O. Skjærvø 1991: *The Gāthās of Zarathushtra and the Other Old Avestan Texts. Part II. Commentary*. Heidelberg: Winter.
- Kellens, J. 1984: *Le verbe avestique*. Wiesbaden: Reichert.
- Kellens, J. 1995: *Liste du verbe avestique*. Wiesbaden: Reichert.
- Kellens, J., Pirart, E. 1988: *Les textes vieil-avestiques. Volume I. Introduction, texte et traduction*. Wiesbaden: Reichert.
- Kellens, J., Pirart, E. 1990: *Les textes vieil-avestiques. Volume II. Répertoires grammaticaux et lexique*. Wiesbaden: Reichert.
- Kellens, J., Pirart, E. 1991: *Les textes vieil-avestiques. Volume III. Commentaire*. Wiesbaden: Reichert, 1991.
- Kent 1953 — R. Kent. *Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon*. New Haven: American Oriental Society, 1953.
- Kim, R. (forthcoming). PIE Aorists and Imperfects in Old Armenian. In: D. M. Goldstein, S.W. Jamison, B. Vine (eds.). *Proceedings of the 30th Annual UCLA Indo-European Conference*. Bremen: Hempen, 2019: 141–159.
- Klingenschmitt, G. 1982: *Das altarmenische Verbum*. Wiesbaden: Reichert.

- Kocharov, P. 2018: A note on the origin of the Old Armenian mediopassive endings. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies* 14/1, 137–148.
- Kocharov, P. 2019: [On the use of the active voice in the intransitive construction in Old Armenian]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*, 23, 587–602.
- Кочаров, П. А. 2019: Особенности употребления активного залога в непереходных конструкциях в древнеармянском языке. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, 23, 587–602.
- Kocharov, P., Shatskov, A. (frthc.). Towards a classification of PIE root extensions. *Historische Sprachforschung* 131. In preparation.
- Kölligan, D. 2010: Patterns of suppletion in Classical Armenian: the case of motion verbs. In: Melchert, H. C. (ed.). *The Indo-European Verb. Proceedings of the Conference of the Society for Indo-European Studies, Los Angeles 13–15 September 2010*. Wiesbaden: Reichert, 167–177.
- Kümmel, M. 1998: Wurzelpräsens neben Wurzelarist im Indogermanischen. *Historische Sprachforschung* 111, 191–208.
- LIV*² — Rix, H., Kümmel, M., Zehnder, Th., Lipp, R., Schirmer, B. 2001: *Lexikon der indogermansichen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen*. 2 erweitt. und verbess. Aufl. bearb. von M. Kümmel und H. Rix. Wiesbaden: Reichert.
- Lowe, J. J. 2015: *Participles in Rigvedic Sanskrit: The Syntax and Semantics of Adjectival Verb Forms*. Oxford University Press.
- Lubotsky, A. 1997: *A Rgvedic word concordance*. 2 vols. New Haven: American Oriental Society.
- Martínez, J., de Vaan, M. 2014: *Introduction to Avestan*. Leiden; Boston: Brill.
- Martirosyan, H. 2010: *Etymological dictionary of the Armenian inherited lexicon*. Leiden; Boston: Brill.
- Martirosyan, H. 2013: The place of Armenian in the Indo-European language family: the relationship with Greek and Indo-Iranian. *Journal of language relationship* 10, 85–137.
- Mayrhofer M. 1986–2001: *Etymologisches Wörterbuch des Altindarischen*. 3 vols. Heidelberg: Winter.
- Narten, J. 1968: Zum «proterodynamischen» Wurzelpräsens. In: Heesterman, J. C., Schokker G. H., Subramoniam V. I. (eds.), *Pratidānam. Indian, Iranian and Indo-European studies presented to F. B. J. Kuiper on his 60th birthday*. The Hague; Paris: Mouton, 9–19.
- Olsen, B. A. 1999: *The noun in Biblical Armenian: origin and word formation: with special emphasis on the Indo-European heritage*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Schmitt, R. 2009: *Die altpersischen Inschriften der Achaimeniden. Editio minor mit deutscher Übersetzung*. Wiesbaden, Reichert.
- Schmitt, R. 2014: *Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften*. Wiesbaden, Reichert.
- Schwyzler, E. 1977. *Griechische Grammatik*. I. Allgemeiner Teil. Lautlehre. Wordbildung. Flexion. 5 Aufl. Beck: München.

- Skjærvø, P. O. 2016: *An introduction to Old Persian*. <http://sites.fas.harvard.edu/~iranian/OldPersian/index.html> (11/03/2020).
- Slavyatinskaya, M. N. 1977: [Notes on the semantics of ablauting verbs in Homer]. In: Gindin, L. A., Klepikova, G. P. (eds.). *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanije. Antichnaya balkanistika i sravnitel'naya grammatika* [*Slavic and Balkan linguistics. The Balkan Studies in Antiquity and Comparative Grammar*]. Moscow: Nauka, 146–165.
- Славятинская, М. Н. 1977: Заметки о семантике аблаутных глаголов у Гомера. В сб.: Гиндин, Л. А., Клепикова, Г. П. (ред.), *Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика*. М.: Наука, 146–165.
- Sokolov, S. N. 1979: [Old Persian]. In: Rastorguyeva V. S. (ed.). *Osnovy iranskogo yazykoznanija. Drevneiranskiye yazyki*. [*Introduction to Iranian Linguistics. Old Iranian Languages*]. М.: Nauka, 234–271.
- Соколов, С. Н. 1979: Древнеперсидский язык. В сб.: Расторгуева, В. С. (ред.). *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки*. М.: Наука, 234–271.
- Strunk, K. 1967: *Nasalpräsentien und Aoriste. Ein Beitrag zur Morphologie des Verbums im Indo-Iranischen und Griechischen*. Heidelberg: Winter.
- Watkins, C. 1962: *Indo-European origins of the Celtic verb*. Dublin: Institute for Advanced Studies.
- Willi, A. 2018: *Origins of the Greek verb*. Cambridge: Cambridge University Press.